

Предмет обжалования в суд действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования и прокуратуры: от теории к практике

Сергей Борисович Россинский*, **Светлана Анатольевна Роговая****

В последнее время на общем фоне расширения судебных полномочий в уголовном судопроизводстве, в частности ввиду возникновения и постепенного развития механизмов судебного контроля за возбуждением уголовного дела и предварительным расследованием особую актуальность приобретают проблемы теории, законодательного регулирования и практики обжалования в суд различных действий (бездействия) и решений органов дознания, предварительного следствия и прокурора. И одна из таких проблем связана с предметом подобного обжалования, т.е. с правильным определением круга вопросов и обстоятельств, подлежащих рассмотрению и оценке в рамках указанной формы судебно-контрольного производства.

По смыслу закона, прямо вытекающему из содержания ст. 125 УПК РФ, предметом судебного обжалования в данном случае могут являться различные действия (бездействия) или решения органов предварительного расследования и прокуратуры, способные причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию. Подобных взглядов придерживаются и многие ученые-процессуалисты, посвятившие свои публикации судебно-контрольной проблематике¹.

* Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

** Кандидат юридических наук, федеральный судья Ленинского районного суда г. Ставрополя.

¹ См.: Володина Л.М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. М.: Юрист, 2006. С. 296; Газетдинов Н.И. Реализация принципов уголовного судопроизводства. М.: Юрист, 2006. С. 283; Лазарева В.А., Иванов В.В., Утарбаев А.К. Защита прав личности в уголовном процессе. 2-е изд. М.: Юрайт, 2015. С. 198–199 и многие другие работы.

Однако уже первый опыт применения данного механизма наглядно показал несовершенство существующих нормативных формулировок в этом сегменте уголовно-процессуального регулирования, их недостаточную определенность и непригодность для реализации заложенных в них правообеспечительных (правозащитных) идей в соответствии с их подлинным смыслом. В частности, в науке уже неоднократно высказывались позиции об объемности категории «конституционные права и свободы», детерминирующей невозможность ее эффективного использования в качестве критерия для автономизации судебных полномочий, установленных ст. 125 УПК РФ².

В этой связи Пленум Верховного Суда РФ начиная с 2009 г. последовательно пытается сгладить указанный нормативный изъян. В уже претерпевшем несколько редакций постановлении, специально посвященном вопросам рассмотрения судами общей юрисдикции жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ³, Пленум Верховного Суда РФ помимо всего прочего раскрывает примерный перечень действий (форм бездействия) и решений должностных лиц органов предварительного расследования и прокуратуры, способных причинить ущерб конституции

² См.: Азаров В.А., Таричко И.Ю. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России. Омск: Омский госуниверситет, 2004. С. 160; Муратова Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики. Казань: Казанский госуниверситет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2004. С. 90; Цурлуй О.Ю. Основы судебного порядка рассмотрения жалоб в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 39 и другие работы.

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (ред. от 29 ноября 2016 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

онным правам и свободам участников уголовного судопроизводства и затруднить доступ граждан к правосудию. Так, к первой группе, по мнению Пленума, например, следует относить постановления органов дознания и предварительного следствия о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, об отказе в назначении защитника или допуске законного представителя, об избрании и применении мер процессуального принуждения. Вторую группу составляют такие действия (бездействие) либо решения, которые препятствуют дальнейшему обращению лица за судебной защитой нарушенного права, в частности, отказ в признании потерпевшим, отказ в приеме сообщения о преступлении либо бездействие при проверке этих сообщений, постановление о приостановлении предварительного расследования и др.

Однако, несмотря на указанные разъяснения, в правоприменительной практике на сегодняшний день так и не сложилось какого-то более или менее четкого унифицированного представления о содержании предмета судебного обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ и его разграничении с иными формами реализации судебных полномочий по уголовному делу. Причем вполне очевидно, что сохранившаяся здесь правовая неопределенность весьма негативно сказывается на обеспечении одного из важнейших принципов уголовного судопроизводства – вытекающего из ст. 46 Конституции РФ общего права на обжалование процессуальных действий и решений (ст. 19 УПК РФ), т.е. на достижение тех социальных благ, ради которых законодатель, собственно говоря, в свое время и ввел в систему уголовно-процессуального регулирования механизм, предусмотренный ст. 125 УПК РФ. На возникающие в этой связи проблемы, которые так и не были разрешены вышеназванным постановлением Пленума Верховного Суда РФ, постоянно обращают внимание специалисты, в первую очередь, сами практические работники⁴.

Представляется, что указанная правовая неопределенность и связанные с ней трудности в четком понимании предмета судебного обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ обусловлены двумя основными факторами. Первый из них выражается в большом количестве самых разнообразных

процессуальных действий и решений, находящихся в ведении органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры, что уже само по себе вызывает сложности в возможности проведения их полноценной «ревизии» и систематизации. По крайней мере, авторам настоящей статьи доподлинно неизвестно, предпринимались ли вообще в уголовно-процессуальной доктрине какие-либо более или менее успешные попытки, направленные на формирование исчерпывающего перечня всех возможных процессуальных действий и решений, отнесенных уголовно-процессуальным законом к компетенции дознавателя, начальника органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и иных участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, наделенных государственно-властными полномочиями. К этому перечню еще необходимо добавить действия и решения, прямо не предусмотренные УПК РФ, но вытекающие из его смысла (например, истребование следователем какого-либо предмета или документа, решение о формальном признании за подозреваемым либо обвиняемым «рабочего» имени, выносимое в случаях неустановления его личности⁵ и т.д.). Кроме того, сюда же надо добавить и различные оперативно-розыскные мероприятия, которые согласно разъяснениям, данным все тем же постановлением Пленума Верховного Суда РФ, тоже подлежат обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ. Поэтому вполне очевидно, что при таком многообразии составление более или менее определенного перечня конкретных форм активного или пассивного поведения органов дознания, предварительного следствия или прокуратуры – это задача практически нерешаемая.

Второй фактор имеет более сложную природу и обуславливается не столько внешними (формальными), сколько внутренними (содержательными) аспектами правоприменительных актов. В этой связи необходимо вспомнить, что согласно ч.ч. 3 и 5 ст. 125 УПК РФ суд проверяет не только законность действий (бездействия) или решений органов предварительного расследования или прокуратуры, но и их обоснованность. А это свойство является результатом мыслительно-логических операций, итогом умственной деятельности соот-

⁴ См.: Черушева А.А. Предмет судебного контроля при рассмотрении жалоб на действия (бездействие) и процессуальные решения следователя, дознавателя и прокурора // Законность. 2019. № 8. С. 59.

⁵ О необходимости вынесения такого постановления, в частности, писал О.Я. Баев. См.: Баев О.Я. Тактика следственных действий: учеб. пособие. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2012. С. 52–53.

ветствующего субъекта⁶, и, таким образом, уже изначально не может быть втиснуто в установленные законом или постановлением Пленума Верховного Суда РФ рамки.

Обоснование следователем (иным другим участником уголовного судопроизводства со стороны обвинения, наделенным государственно-властными полномочиями), необходимости провести / не провести какое-либо действие или принять какое-либо решение всегда имеет индивидуальный, неповторимый характер, зависящий от обстоятельств конкретного уголовного дела и сложившейся следственной ситуации. Поэтому, проверяя обоснованность любого подобного действия (бездействия) или решения в порядке ст. 125 УПК РФ, суду невольно приходится заново исследовать и оценивать использованные следователем аргументы (прежде всего, доказательства), т.е. как бы идти «по его следам», аналогично тому, как суд апелляционной инстанции идет «по следам» суда, постановившего приговор (вынесшего иное судебное решение).

В принципе этот тезис более чем очевиден и сам по себе вряд ли может обуславливать наличие каких-либо практических трудностей, связанных с правильным определением предмета судебного обжалования действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования и прокуратуры. Однако он скрывает в себе большую опасность, заключающуюся в том, что суд при рассмотрении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ может осознанно или неосознанно выйти за пределы своих полномочий и начать анализировать вопросы существа самого уголовного дела, в первую очередь оценивать доказанность обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

Наверное, в рамках настоящей статьи излишне напоминать, что судебный контроль – это отдельная, автономная форма, имеющая свое собственное предназначение, выраженное в обеспечении (в защите) прав и свобод личности и отличающееся от предназначения основного вектора производства по уголовному делу – обеспечения возможности реализации уголовного закона. Поэтому п. 3.1 вышеупомянутого постановления Пленума Верховного Суда РФ указывает на недопустимость обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ действий (бездействия) и решений, проверка законности и обоснованности

которых относится к исключительной компетенции суда, рассматривающего уголовное дело по существу (например, отказа следователя и дознавателя в проведении процессуальных действий по собиранию и проверке доказательств; отказа следователя и дознавателя в возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа; постановления следователя, дознавателя о привлечении лица в качестве обвиняемого, о назначении экспертизы и т.п.). По этой же причине п.п. 15–16 данного постановления запрещают судьям в случае обжалования решения о возбуждении уголовного дела давать правовую оценку действиям подозреваемого и собранным материалам относительно их полноты и содержания сведений, имеющих значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, а при обжаловании решения о прекращении уголовного дела – делать выводы о доказанности / недоказанности вины, о допустимости / недопустимости доказательств.

Кстати, современная судебная практика просто изобилует апелляционными решениями, оставляющими акты районных (приравненных) судов, вынесенных в порядке ст. 125 УПК РФ, без изменения в случае соблюдения вышеуказанных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ либо, наоборот, отменяющими эти акты при несоблюдении этих разъяснений. Так, например, Московский областной суд оставил без изменения постановление Электростальского городского суда Московской области об отказе в принятии к рассмотрению жалобы на решение следователя о направлении уголовного дела по подследственности. Суд апелляционной инстанции согласился с отсутствием в данном случае предмета обжалования, в частности с тем, что заявитель обжаловал действия и решения следователя по собиранию и проверке доказательств, которым надлежит давать правовую оценку при рассмотрении уголовного дела по существу, а также с тем, что данное решение не является окончательным и неспособно затруднить доступ к правосудию⁷.

Еще одним примером может послужить материал, некоторое время назад находившийся в производстве Ленинского районного суда г. Ставрополя, в котором работает один из авторов настоящей статьи. Рассматривая жалобу на решение следова-

⁶ См.: Миликова А.В. Требования, предъявляемые к уголовно-процессуальным актам резолютивного характера органов предварительного следствия // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 3 (90). С. 79.

⁷ См.: Апелляционное постановление от 19 декабря 2019 г. по делу № 22к-8741/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

теля об отказе в удовлетворении ходатайства на прекращение уголовного дела, суд согласился с доводами заявителя, посчитал это решение необоснованным, не соответствующим установленным по делу обстоятельствам, поэтому отменил вынесенное постановление и обязал орган предварительного следствия устранить допущенные нарушения. Вместе с тем такая позиция не нашла поддержки в апелляционной инстанции, производство в которой было инициировано представлением прокурора. Как указано в апелляционном определении, суд, рассматривая жалобу, фактически вторгся в вопросы процессуальной самостоятельности следователя, который в силу ч. 2 ст. 38 УПК РФ уполномочен осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий⁸.

С одной стороны, приведенные примеры, равно как и все подобные случаи, наглядно показывают строгое следование судебных органов разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ и, казалось бы, позволяют говорить о постепенном формировании в этом сегменте уголовного судопроизводства единообразной правоприменительной практики, обеспечивающей замысел законодателя, заложенный в содержании ст. 125 УПК РФ.

Однако при более детальном анализе различных, в первую очередь «отказных», судебнo-контрольных постановлений, вынесенных по результатам рассмотрения жалоб на действия (бездействие) или решения органов предварительного расследования и прокуратуры, становится понятным их достаточно поверхностный характер. «Между строк» большинства описательно-мотивировочных частей таких судебных актов буквально читается, угадывается желание судей поскорее освободиться от лишней нагрузки и «списать» поступившую жалобу в архив. И в настоящее время для этого есть прекрасное обоснование – все тот же п. 3.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», который фактически предполагает искусственное сужение установленного законодателем предмета судебного обжалования.

Создается впечатление, что судьи давно ожидали появления подобного разъяснения. На такую

⁸ См.: Апелляционное постановление от 24 июня 2019 г. по делу № 22к-2690/2019. Архив Ленинского районного суда г. Ставрополя.

мысль, по крайней мере, наталкивает динамика вынесения и содержание решений об отказах в удовлетворении поступивших жалоб. Так, если до 2015 г. количество удовлетворенных жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ составляло примерно 6–7%, то начиная с 2016 г. оно постепенно стало снижаться и согласно опубликованным на сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ статистическим сведениям за первое полугодие 2019 г. этот показатель достиг абсолютного минимума и составил всего 4,3 % от общего числа поданных жалоб. Причем в подавляющем большинстве изученных нами «отказных» постановлений суды обосновывают свое решение лишь одним-единственным аргументом – несоответствием предмета обжалования п. 3.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Хотя для справедливости все же следует обратить внимание, что в современной правоприменительной практике встречаются и противоположные решения, в которых суды, наоборот, казуально толкуют ст. 125 УПК РФ более широко, чем это вытекает из смысла все того же постановления Пленума Верховного Суда РФ. Например, апелляционным постановлением Краснодарского краевого суда было отменено решение Северского районного суда Краснодарского края о прекращении производства по жалобе ввиду несоответствия ее предмета разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ. В частности, суд апелляционной инстанции обратил внимание на ошибочность выводов о невозможности обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ решения следователя о производстве выемки, а также действий, совершенных в ходе выемки⁹. Можно привести и пример из практики Ленинского районного суда г. Ставрополя, где, как уже отмечалось, работает один из авторов настоящей статьи. Так, постановлением Ставропольского краевого суда была удовлетворена апелляционная жалоба, поданная защитником на решение об отказе в принятии к рассмотрению жалобы о признании незаконным и необоснованным действий ГСУ ГУ МВД России по Ставропольскому краю, выраженных в отказе снять арест с имущества¹⁰. И тем не менее

⁹ См.: Апелляционное постановление от 25 сентября 2019 г. по делу № 22-6450/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ См.: Апелляционное постановление от 24 июня 2019 г. по делу № 22к-3243/17 // Архив Ленинского районного суда г. Ставрополя.

подобные решения – это не более чем разовые исключения, которые лишь подтверждают «правило», т.е. общую тенденцию, направленную на сужение предмета судебного обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ посредством сугубо формального исполнения разъяснений, высказанных Пленумом Верховного Суда РФ.

Согласиться с таким догматичным подходом более чем сложно. Ведь несмотря на теоретические позиции о дифференциации предмета обжалования (да и вообще предмета судебного контроля в целом) с предметом рассмотрения данного дела по существу, невзирая на стремление решить эту проблему на законодательном уровне или посредством официального толкования УПК РФ, тем не менее развести данные вопросы на сугубо прикладном, правоприменительном уровне представляется крайне сложным или даже невозможным. В большинстве случаев различные обстоятельства уголовного дела настолько связаны, взаимообусловлены, переплетены между собой, что любые попытки подобного разграничения в реальной судебной практике будут приводить лишь к необоснованности, к недостаточной аргументированности принимаемых решений.

Кстати, подобная проблема касается не только процедуры судебного обжалования действий (бездействия) или решений органов дознания, предварительного следствия или прокурора. Весьма похожая ситуация складывается и в части еще одного судебно-контрольного производства – рассмотрения ходатайства следователя о заключении лица под стражу или под домашний арест (ст. 108 УПК РФ), где суд также не может уклониться от изучения и оценки предъявленного обвинения и других обстоятельств, составляющих предмет предварительного расследования и судебного разбирательства в 1-й инстанции. Анализируя эти вопросы уже в части ограниченного предмета судебного разбирательства при особом порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ, О.В. Качалова совершенно справедливо пишет, что принятие любого решения судом, в том числе и судом апелляционной инстанции, невозможно в отрыве от фактических обстоятельств дела¹¹. Утверждать обратное – значило бы идти против самой природы процессуального познания и доказывания, основанной на объективно существующих законах гносеологии, предполагающих

единство формы и содержания, взаимосвязь всех событий, явлений и иных элементов окружающей реальности.

В завершение настоящей статьи хотелось бы обратить внимание на то, что поднятые нами проблемы, возникающие в судебной практике в части правильного определения предмета обжалования действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования и прокуратуры предполагают два гетерогенно противоположных выхода из сложившейся ситуации.

1. Продолжить наметившуюся в настоящее время тенденцию по сужению перечня обстоятельств, подлежащих обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ, посредством формирования новых и оптимизации существующих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ. Причем наряду с отмеченными выше недостатками такой путь будет иметь и несомненные достоинства, например, позволит снизить риски возможных злоупотреблений судьями своими процессуальными полномочиями, так как уменьшит степень их дискреционности и т.д.

2. Отменить существующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, тем самым расширив предмет судебного обжалования действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования и прокуратуры до неопределенного объема. Указанный подход, с одной стороны, будет характеризоваться большей свободой судейского усмотрения, а с другой, наоборот, – приведет к отсутствию какого-либо единства в судебной практике и повысит риски злоупотреблений судьями своими процессуальными полномочиями.

Какой из предложенных вариантов, в конце концов, возымеет приоритет – это покажет время. Однако любой из них не сможет обойтись без надлежащего кадрового обеспечения судебной власти, без наличия высококвалифицированных судей, обладающих наряду с глубокими знаниями, умениями и навыками высоким уровнем нравственности, правосознания, правопонимания и ответственности, так необходимых для решения непростых задач уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Азаров В.А., Таричко И.Ю. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России. Омск: Омский госуниверситет, 2004.
2. Баев О.Я. Тактика следственных действий: учеб. пособие. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2012.

¹¹ См.: Качалова О.В. Виды ускоренного производства в российском уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 161.

3. *Володина Л.М.* Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. М.: Юрист, 2006.
4. *Газетдинов Н.И.* Реализация принципов уголовного судопроизводства. М.: Юрист, 2006.
5. *Качалова О.В.* Виды ускоренного производства в российском уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2016.
6. *Лазарева В.А., Иванов В.В., Утарбаев А.К.* Защита прав личности в уголовном процессе. 2-е изд. М.: Юрайт, 2015.
7. *Миликова А.В.* Требования, предъявляемые к уголовно-процессуальным актам резолютивного характера органов предварительного следствия // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 3 (90).
8. *Муратова Н.Г.* Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики. Казань: Казанский госуниверситет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2004.
9. *Цурлуй О.Ю.* Основы судебного порядка рассмотрения жалоб в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2012.
10. *Черушева А.А.* Предмет судебного контроля при рассмотрении жалоб на действия (бездействие) и процессуальные решения следователя, дознавателя и прокурора // Законность. 2019. № 8.

Право на обжалование в досудебном производстве: свобода и злоупотребление

Ольга Викторовна Химичева*, Денис Васильевич Шаров**

В числе неотъемлемых (основных) прав и свобод человека и гражданина, провозглашенных в гл. 2 Конституции Российской Федерации, ст. 45 признает право человека и гражданина защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, а ст. 46 в развитие данного положения устанавливает, что решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд.

Будучи общеправовой нормой, право на обжалование действий и решений государственных органов и должностных лиц особое значение приобретает в уголовном судопроизводстве, поскольку именно эта деятельность в первую очередь сопровождается применением процессуального принуждения, неизбежно приводящего к серьезным ограничениям конституционных и иных прав граждан.

* Доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

** Кандидат юридических наук, доцент, адвокат Адвокатской палаты города Москвы.

Одной из гарантий против ущемления прав, свобод и законных интересов граждан, возможного в результате незаконных и необоснованных действий и решений органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, и служит право на их обжалование.

Институт обжалования в российском уголовном судопроизводстве в том или ином виде действует с давних времен, испытывая на себе серьезное влияние политического, экономического и идеологического устройства Российского государства¹. Современное уголовно-процессуальное регулирование данных правоотношений выгодно отличается от предыдущих периодов: в настоящее время право на обжалование процессуальных действий и решений не только предусмотрено в качестве нормы-принципа (ст. 19 УПК России), но и имеет достаточно разработанный механизм его реализации, опирающийся на систему правовых норм, компактно расположенных в главах 16, 45¹, 47¹ УПК

¹ См.: Григорьева Н.В. Основные исторические этапы развития института обжалования в досудебном производстве // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 138–140.